

Еще одно *a priori* в философии Канта

Статья Антона Цыгурова
Иллюстрация Ивана Фомина

Можем ли мы *a priori* знать, что представляет собой то, что мы познаем? Загвоздка в том, отвечает Кант, что мы всегда уже находимся в ситуации свершившегося опыта, а значит, априорные условия нашего познания, сформировавшие объект сообразно собственным механизмам, уже вступили в игру. Таким образом, объект нашего знания всегда опосредован самим познанием этого объекта. Именно с этими рассуждениями связано расставание Канта с догматической онтологией, с представлением о том, что можно выстроить систематическое учение о вещах вообще на основании чистого мышления и его категорий, иными словами, выразить базовый принцип существования вещей самих по себе, опираясь на принцип познания явлений. Таким образом, «гордое имя онтологии <...> должно быть заменено скромным именем простой аналитики чистого рассудка». Последняя показывает, что предметы не меняют свой онтологический статус в зависимости от того, какая познавательная способность на них направлена. Рассудок не обладает преимуществом перед чувственностью, более того, рассудочное познание становится возможным только во взаимодействии с ней. Следовательно, *a priori* можно знать лишь то, каким образом предмет нам дается, а не чем он является сам по себе.

Представим огонь, горящий в центре комнаты. Он излучает свет по направлению к периферии таким образом, что по мере удаления от него концентрация света

уменьшается и сгущается темнота; при этом важно, что темнота существует только благодаря отсутствию света, т.е. не существует сама по себе. Принцип концентрации света соответствует концентрации реальности, сходящей на нет там, куда не достигает свет. Переведенная в регистр кантовской философии, данная метафора выглядит следующим образом: субъект, держащий свечу в руке, передвигается по комнате и может с уверенностью говорить лишь о том, что все, что может попасть в освещенную область, является реальным; говоря кантовским языком: реально то, что является предметом возможного опыта. В этом случае находящееся в темноте не является несуществующим, так как возможность освещения уже говорит о реальности неосвещенных областей, т.е. всех предметов возможного опыта, явлений. Явление, в свою очередь, это «неопределенный предмет чувственного созерцания», которое есть результат аффицирования нашей чувственности вещью самой по себе: «трансцендентальной материей всех предметов как вещей самих по себе (вещностью, реальностью) будет то, что соответствует в явлениях ощущению» (B182).

Поскольку на основании анализа априорных условий познания мы можем с необходимостью антиципировать характер возможных восприятий, весь возможный опыт представляется в качестве единообразного и в этом смысле предполагает возможность полного описания; с другой стороны, опыт предполагает многообразное, данное в чувстве, являющееся результатом аффици-

рования нашей чувственности вещью самой по себе и представляющее собой реальное, которое привносится в опыт ощущением. Оно может быть познано не *a priori*, а только *a posteriori*, т.е. эмпирически. Эмпирическое познание потенциально бесконечно, поскольку опыт постоянно поставляет новые данные. Как в таком случае можно (и возможно ли) мыслить вещь вообще?

Разум, отвечающий, по Канту, за умозаключения, объединяет правила рассудка согласно принципам и потому может дать ключ к решению нашей проблемы. Разум стремится познать вещь до конца и сказать о ней все, что возможно, а это означает говорить о ней самой по себе, не ограничиваясь условиями возможного опыта. Однако познанию доступно только то, что соответствует этим условиям, и разум вынужден распространять правила, которым подчиняются явления, на вещи вообще, что заводит его в диалектический тупик: он принимает принципы объединения рассудочных правил за понятия, которым соответствуют определенные предметы. Так у нас возникают понятия души, мира и Бога. Однако в то же время понятия разума, или трансцендентальные идеи, которые являются принципами максимальной унификации познания, не имеют к непосредственному материалу познания, многообразному в чувственности, прямого доступа, ведь их предметом являются правила рассудка, сводимые разумом к наименьшему числу принципов. Таким образом, идеи — наиболее отдаленные от данных чувственности, а потому наиболее общие принципы.

Интересующая нас идея — последняя из обсуждаемых Кантом в «Критике чистого разума» — является наиболее общей и называется «идеалом», т.е. понятием, которому должна соответствовать единичная вещь — Бог. Почему единичная? Будучи «схемой понятия вещи вообще» (B698), т.е. прототипом построения понятия обо всем, что может являться предметом мышления или восприятия, трансцендентальный идеал может быть только один. Если это так, говорит Кант, то все вещи в основе своей мыслятся одинаково; а поскольку мыслить можно только нечто определенное, то в основе мышления вещей вообще лежат все их возможные предикаты. В понятии идеала, таким образом, обнаруживается представление об «априорном условии» (B600) вещей вообще — представление о всей сфере возможного, содержащей в себе все возможные предикаты. Поскольку этот субстрат одинаков для всех вещей, они могут различаться лишь тем, что из всех возможных предикатов они обладают

одними и не обладают другими; Мухаммед, например, обладает возможностью ходить, а гора ею не обладает; следовательно, гора — не Мухаммед, а Мухаммед — не гора. Совокупность предикатов выглядит, таким образом, как ряд противоположностей: «А» и «не А».

Однако разум, создавая «схему понятия вещи вообще», не может отвлечься от способа познания явлений, присущего нашим познавательным способностям. Поэтому само понятие вещи вообще мыслится как результат завершеного эмпирического познания: «для полного познания вещи необходимо познать все возможное и посредством него определить вещь утвердительно или отрицательно. Следовательно, полное определение есть понятие, которого мы никогда не можем показать *in concreto* во всей его полноте» (B601), поскольку мы не знаем всех возможных предикатов и узнаем о них только из опыта. Все, что нам остается — сказать, что в понятии этой вещи все они есть.

Поскольку возможные предикаты определяют вещь содержательно, а не формально, она в то же время мыслится разумом как существующая вместе со всей совокупностью своих предикатов, которые в таком случае представляются как части ее реальности. В отношении вещи осуществляется «трансцендентальное утверждение, высказывающее нечто такое, понятие чего уже само по себе выражает бытие и потому называется реальностью (вещностью), так как только на основании этого утверждения и насколько оно простирается, предметы суть нечто (вещи), тогда как противоположное ему отрицание означает только отсутствие, и там, где мыслится только это отрицание, представляется устранение всякой вещи» (B602). Каждая вещь, таким образом, реальна в отношении определенного предиката и нереальна в отношении другого. Однако в нашем познании отдельные реальности удостоверяются на основании конкретного чувственного созерцания в форме «А есть В»; значит, познание совокупности реальности данной вещи никогда не может мыслиться как завершенное. Таким образом, алгоритм предикации в мышлении вещи (как того, что обладает совокупностью всех своих предикатов) начинается не с рассудочного познания («А есть В», где «В» удостоверяется в качестве реального рассудком), а с трансцендентального утверждения «А есть», где «есть» утверждает вещь как существующую в определенном отношении ко всей сфере возможного.

Итак, вещь вообще можно мыслить определенно только посредством совокупности предикатов, которые

в ее отношении утверждаются или отрицаются. Однако отрицание мыслится только в отношении того, что отрицается, а значит, в отношении какой-либо реальности, т.е. утверждения. Значит, пишет Кант, «все истинные отрицания суть не что иное, как пределы, каковыми они не могли бы быть названы, если бы в основе не лежало безграничное (полнота)» (B604). Таким образом, и в основе отрицания лежит утверждение некоего предиката.

Вещь сама по себе — это проблематический предмет мышления, поэтому применение к ней схемы построения понятия вещи вообще дает парадоксальный результат: поскольку в ее отношении мы не можем осуществить ни одного отрицания, т.к. мы ее вообще не познаем, то из совокупности всех возможных противоположных друг другу предикатов ей всегда будут присущи только те, которым соответствуют утверждения, т.е. всегда только «А» и никогда «не А». Кант пишет: «Благодаря такому обладанию всей реальностью понятие вещи самой по себе представляется как полностью определенное, а понятие некоторого *ens realissimum* есть понятие единичной сущности, так как из всех возможных противоположных друг другу предикатов один, а именно тот, который безусловно присущ бытию, всегда имеется в ее определении» (B604). Следовательно, понятие вещи вообще мыслится как полностью совпадающее с принципом трансцендентального идеала, поскольку определяется «идеей всей реальности» и мыслится как трансцендентальный субстрат, «содержащий в себе как бы весь запас материала» возможного опыта вообще. Такой способ проблематического мышления вещи самой по себе не противоречит формальному анализу познавательных способностей, поскольку, как мы знаем из учения Канта о чувственности, аффицирование именно вещью самой по себе доставляет нашему мышлению многообразное в чувстве, которое является материалом эмпирического познания.

Необходимо отметить, что такой способ мышления вещи вообще не является, по Канту, ее познанием. Поскольку априорные понятия разума не выполняют конститутивной функции, то есть не определяют возможного опыта содержательно, а только направляют его к наибольшей степени общности, вещи не воспринимаются как полностью определенные в непосредственном опыте; сталкиваясь с предметом и желая о нем что-либо узнать, я могу это сделать лишь посредством тех предикатов, которые мне доступны, однако после этого я вряд ли смогу заключить, что узнал о нем все и во всех

отношениях. Однако разум, по выражению Канта, имеет «теоретический» интерес — он всегда стремится дать принцип полного познания вещи, и без него была бы невозможна наука как система, руководствующаяся ограниченным числом принципов.

Подводя итоги: трансцендентальный идеал как схема понятия вещи вообще, в основании которой лежит трансцендентальное утверждение, — это априорный способ мышления содержательно завершенного понятия. Трансцендентальное утверждение, осуществленное в отношении любого предмета, является как бы посредником между этим предметом и «всей сферой возможного». Оно показывает, что если дан сам предмет, то тем самым даны и все его возможные предикаты. Таким образом, трансцендентальное утверждение является априорным условием возможности опыта в том смысле, что оно направляет опыт к максимальной степени общности и завершенности, показывая, каким образом должен мыслиться результат эмпирического познания вообще: как вещь, познанная во всех отношениях, т.е. со всеми ее возможными предикатами.

Библиография

1. Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 3. М.: Чоро. 1994.

